

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ 1979–1989 гг.: ИНТЕРВЬЮ С ИГОРЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ БЕЗБОРОДЫХ (ЧАСТЬ II)¹

Д.Д. Челпанова

Аннотация. Афганская война (1979–1989 гг.) – трагическое событие в исторической памяти нашей страны. Наибольшие военные потери со времен Великой Отечественной войны Советский Союз понес во время войны в Афганистане. За период с 1979 г. по 1989 гг. военную службу в Афганистане прошли 620 тыс. военнослужащих, более 15 тыс. из них погибло. Живые свидетельства участников Афганской войны, полученные в ходе интервьюирования, помогают глубже изучить антропологию военного конфликта через пережитый опыт комбатантов. В данной публикации представлена вторая часть интервью с Игорем Николаевичем Безбородых, уроженцем г. Гуково Ростовской области, проходившим срочную военную службу в Афганистане с 1984 г. по 1987 г. в морских частях пограничных войск Комитета государственной безопасности СССР в звании старшего матроса. Встреча с ним состоялась 2 июня 2017 г. в офисе Государственного казенного учреждения «Казачи Дона» в г. Гуково. В ходе беседы респондент рассказал об особенностях боевой техники противника, снабжении войск, отношении к Афганской войне, повседневности и быте солдат и их состоянии здоровья в ходе службы.

Ключевые слова: Афганская война, Афганистан, СССР, интервью, воспоминания, воин-интернационалист, ветеран, комбатант.

Челпанова Диана Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, chelpanova@ssc-ras.ru.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ проекта № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII–начале XXI в.: история, демография, антропология».

MEMORIES OF THE VETERAN OF THE AFGHAN WAR 1979–1989: INTERVIEW WITH IGOR NIKOLAEVICH BEZBORODYKH (PART II)

D.D. Chelpanova

Abstract. The Afghan war (1979–1989) is a tragic event in the historical memory of our country. During the war in Afghanistan Soviet Union suffered the greatest military losses since the Great Patriotic War. During the period from 1979 to 1989, 620 thousand soldiers did their military service in Afghanistan, more than 15 thousand of them died. The live evidences of the participants in the Afghan war obtained during the interviews help us study the anthropology of the military conflict more deeply through the experience of combatants. This publication presents the second part of an interview with Igor Nikolaevich Bezborodykh, a native of the Gukovo town, Rostov Region, who was in military service in Afghanistan from 1984 to 1987 in the Naval Part of the Border Troops State Security Committee of the USSR with the rank of senior sailor. The meeting took place on June 2, 2017 at the office of the State Treasury Institution “Cossacks of the Don” in the Gukovo town. During the conversation, the respondent spoke about the features of the enemy’s military equipment, supply of troops, attitude to the Afghan war, daily life of soldiers and their state of health during the service.

Keywords: Afghan War, 1979–1989, Afghanistan, USSR, interviews, memoirs, internationalist warrior, veteran, combatant.

Интервью с участником Афганской войны Игорем Николаевичем Безбородых [Безбородых, 2017] было проведено при поддержке Захара Хамзиевича Арсланова — заместителя главы Администрации г. Гуково Ростовской области.

Встреча с ветераном Афганской войны, во время которой интервьюер вместе с комбатантом проживает события прошлого, позволяет прикоснуться к событиям военных лет, нередко носившим трагический характер. Порой сдерживаемые респондентом эмоции выдает только взгляд, а попытка подробнее узнать о них остается без ответа. Это рассказ о войне, память о которой объединяет всех ее участников, потому что навсегда стала частью их жизни. Это взгляд на войну изнутри, это правда советского солдата, 18–20-летнего парня, который добросовестно и честно исполнял свой воинский долг во время срочной службы, о месте которой многие комбатанты узнавали уже по прибытию в Афганистан. Эвристический потенциал публикуемого источника позволяет глубже осмыслить антропологический ракурс Афганской войны, в рамках научного замысла исследовательского проекта.

Патриотическое чувство долга, стремление испытать себя в экстремальной ситуации оказались главными причинами в решении респондента добровольно служить на афганской границе. Военная подготовка к службе в Советской армии велась задолго до призыва. Отбор на военную службу в пограничные войска КГБ СССР был строже, требования к претендентам выше, чем в другие войска. Информационный вакуум в советском обществе об участии СССР в Афганской войне стал рассеиваться только в середине 1980-х гг., а сведения об участии погранвойск КГБ СССР стали появляться только в 1990-е гг. В ходе интервью комбатант рассказал об этапах изменения отношения к участникам Афганской войны — от героизации к забвению и постепенной реабилитации в общественном сознании. Во время интервью комбатант рассказал о сложностях ведения боевых действий в условиях войны в Афганистане, о сложностях идентификации врагов, об объединяющем чувстве братства среди сослуживцев, о военной повседневности, быте и досуге в солдатской жизни.

И, несмотря на то, что решение о вводе советских войск в Афганистан со стороны руководства СССР было переосмыслено и осуждено, для большей части населения современной России введение войск до сих пор считается государственным преступлением, Афганская война для России считается несправедливой и рассматривается как политическая авантюра, в которую лидеры бывшего СССР втянули страну [Челпанова, 2017], комбатант не считает войну проигранной, поскольку честно, достойно выполнял «интернациональную миссию» по решению руководства страны. Память о войне «не отпускает» И.Н. Безбородых и в значительной степени определяет его сегодняшнюю деятельность. Он активно занимается военно-патриотическим воспитанием молодежи, передавая ей свои знания и опыт, полученные во время прохождения срочной службы. Выход из посттравматического синдрома для респондента реализовался в организации клуба воинов-интернационалистов, объединяющего всех ветеранов, участвовавших в локальных конфликтах и войнах, и последующем участии в его работе. Процесс психологической реабилитации комбатанта происходил через общественно-значимую и полезную деятельность.

Представленное интервью – завершающая часть беседы, начало которой было опубликовано в научном журнале «Новое прошлое / The New Past». 2019. № 3. С. 276 –290.

Боевая техника, оружие – свое, противника: на равных ли шла борьба?

Мне сейчас сложно рассказать... Но я Вам могу сказать, что первый двухкассетный [магнитофон] «Шарп» я увидел там [в Афганистане], т.е. в СССР их не было. Если они [двухкассетные магнитофоны] были в комиссионке, они стоили дурные [большие] деньги. <...> Второе – передвигались многие местные [население Афганистана] <...> на ишаках, а в караванах использовались верблюды. Но когда идет колонна, допустим, «Тойот» [марка автомобиля], пикапов, и ты понимаешь, что пешком за ними [противниками] достаточно сложно угнаться, практически невозможно, и вот просто смотришь так вслед, и слегка расстраиваешься, где-то злишься, что не по зубам. Вооружение, которое у них было, оно не уступало нашему, нисколько. Но была очень интересная постановка вопроса: ведь они по факту, эти ребята, все считались не басмачами, не «духами», как мы говорили, не бандитами. Они считались дехканами [крестьяне в Средней Азии] обыкновенными. Иметь дома автомат для дехкана – это для самообороны, это вполне нормальное явление. Да и те же местные, зная, что есть вооруженные люди в кишлаке, зачастую их никогда не сдавали. В этом особенность их родовой жизни в Афганистане. А то, что дехканин пойдет вечером стрелять или то, что он может выстрелить в спину проходящей колонне или уходящему наряду – ваши риски. А как можно по внешнему виду определить, в данный момент он кто – дехканин или уже басмач или он еще дехканин, а потом басмач будет, т.е. как бы «дух», как мы говорили, просто невозможно. Поэтому достаточно сложные были эти определения. <...>

Та страна [Афганистан] жила еще в условиях родоплеменных, полусредневековых. Она и сейчас в таких же условиях [преживает] <...>, где ... бай [кулак, богач в Средней Азии] как скажет, так и будет делать дехканин. В силу родоплеменных отношений, столетий такой совместной жизни, трудовых отношений, так оно происходило. Поэтому, когда мы с этими общаемся ребятами, они (местные жители) зачастую помогали [были осведомителями среди жителей кишлака]. Они информацию давали не потому, что хотели денег. Им подкидывали зачастую и муку, и тушенку, потому что своих [осведомителей] подкармливать надо однозначно, помогать нужно. Но в большинстве-то в своем они идейные были. Причем кишлак занимало какое-то подразделение моджахедов, (усмехается), как они себя называли. Эти люди... естественно, не высовывались, никуда не выходили. Когда уже они [осведомители] сообщали, что такое-то количество вооруженных людей [находится в кишлаке], тогда нам было достаточно просто. Но сложность ситуации была в том, что просто так кого-то задержать, арестовать, а тем более убить было невозможно.

У нас был такой эпизод, когда мы точно знаем, что он [противник] вчера (его видели в нескольких шагах)... стрелял в тебя из автомата, а сегодня он ходит, улыбается,

и как бы ничего не было. И когда [представителю] их спецподразделения ХАТ [Служба государственной безопасности в Афганистане] говоришь: «Это он, я ж его видел», а тебе говорят: «Ты ж мог ошибиться. Они ж все бородатые, они ж все в чалмах, в халатах»... Как я мог ошибиться? Когда я два года здесь уже прослужил, я начал уже тоже различать их [местных жителей]. Такая сложность. И просто так взять его и что-то ему предъявить было невозможно. Была эта градация, она [была] достаточно серьезная... Были две основные заповеди, которые мы четко соблюдали, неукоснительно, значит: не поворачиваться спиной к незнакомцам и ни в коем случае не пытаться залезть на женскую половину [жилища]. Вот два НЕ, которые при любых обстоятельствах [нельзя было нарушать]. Хотя там [в женской половине] скрылся он [моджахед], ни в коем случае нельзя было делать [входить в женскую половину], потому что эти два НЕ очень жестко действовали. Как их различить, моджахеда от мирного жителя, как их распознать? Удавалось. Много, может быть, из информации местных, из личных бесед было понятно, что тот человек [моджахед], а другой [мирный житель]. Поэтому такие вещи достаточно сложные.

Поэтому уже дома, здесь, для меня было сложно это преодолеть. <...> [По возвращению] я на контакт открытый не шел, после такой особенности в службе. <...> Такая служба впоследствии влияла психологически на видение жизни на гражданке. Для меня было достаточно сложно довериться человеку. Если уже поверил человеку, то как и на службе было, тогда уже веришь безоговорочно, надеешься на него. И тогда не только веришь в своих сослуживцев, но и другому человеку. Я думаю, где-то у меня эта пакостная вещь, [недоверие], наверно, осталась еще. Наверное, в малой степени, но осталась. Или ты веришь человеку или нет. Если человеку поверил или он мне, стараюсь уже и оправдывать до конца доверие на любом уровне. Но если он не оправдал доверие, повел себя не так, как планировалось, то мы общаемся, но таких дружеских, теплых отношений не будет.

Как снабжались войска?

<...> Во-первых, могу сказать, <...> что я очень благодарен именно командирам <...> Если мы офицера уважали, мы его называли командиром <...>, а если мы его не уважали, мы всегда обращались по-уставному – товарищ прапорщик, товарищ мичман, товарищ старшина <...>. По снабжению, даже если у нас что-то хромало, допустим, нас (смеется) долго кормили картошкой-сушкой, банки [консервные] <...> сохранить невозможно, потому что стационарных точек нет. <...> Только в 1987 году пришли первые катера, на которых были установлены стационарные дизель-генераторы, которые вырабатывали электричество – уже можно было холодильник подключить. У нас таких условий не было. Условия службы дали толчок к развитию удобств <...>. Много зависело от отцов-командиров <...>. Мы как-то услышали случайно, когда [наш командир] поставил задачу: «Найди ребятам картошку, чего ты их сушкой травмишь?» Сушка – как сухая картошка, выглядит, примерно, как чипсы. Сушка была калорийная, но ее невозможно долго есть – специфический запах <...>. Этот капитан-снабженец, я не знаю как, но нашел обычную картошку. И мы могли поджарить ее. Овощей-то хватало, а картошки – нет <...>. У нас, в основном, масло

было хлопковое или оливковое, но так хотелось подсолнечного просто понюхать <...>. Конечно, мы привыкли к определенной пище, и хотелось чего-то своего. Не всегда это удавалось. Но, будем говорить, снабжение было очень неплохое. Я могу сказать, я из армии пришел почти до 90 кг весил <...>.

Если хороший попадался на точке командир, который, невзирая на все запреты, в том числе уставные, хотел ребят накормить, он находил способ. Вот секрет такой: река рядом, значит, в дуканах¹ есть китайские сети <...>. Естественно, в дивизион эти сети брать нельзя было, потому что это запрещено, в том числе и ловля рыбы. Командир находил способ, мы покупали эти сети. Мы кушали уху, вялили, солили. То есть это происходило при хороших командирах, при тех, которые понимали, что нужно срочникам. В условиях, когда тяжело было доставить продукты куда-то, где горная местность, в какие-то отдаленные точки, если погода не позволяла вертолету наведаться. Диких кабанов было достаточно много в тех местностях. Командир, если брал на себя ответственность и разрешал [охоту], то мясо у нас было, в том числе свежее. По снабжению – жаловаться мне грех, я честно говорю: у нас всё было. Тем более река рядом. Если мы не уходили далеко в глубину, у нас с водой проблем никогда не было <...>.

Были ли аналоги «наркомовским» 100 грамм?

Мы сами себе делали эти 100 граммов <...>. Были у нас специалисты, которые могли поставить бражку на томатной пасте, кислых овощах, гранатовом соке (гранатов было много), на мандариновом соке. Температура такая, что позволяла быстро выиграться браге. Ну, естественно, это в тайне от отцов-командиров. Но помогало, да. Я могу сказать, там беда похуже была, там прямой доступ был к наркотикам. И если бы не эти специалисты, которые ставили брагу <...>, или те, которые не могли водку раздобыть <...>, то были такие вещи, когда ребята очень плотно садились на наркотики <...>. Они начинали с курева, оно ж с этого и начиналось. Покурили, потом решили понюхать <...>.

У меня, среди моего призыва, парень был, очень хороший парень. Из тайги он приехал, там с Междуреченска². Даже не курил до призыва, но как-то втянулся в это дело, и он уже уехал, я считаю, чуть ли не законченным наркоманом. Даже пытался с собой что-то увезти <...>. Нам проще: мы две кружки выпили бодрящего напитокку, и хорошо (смеется). Эти вопросы, я считаю, были не продуманы. Во-первых, не продуманные почему? Такая была политическая установка, видимо. Второе – как говорил наш замполит – майор, я про него и детям расскажу, всем про него расскажу, про этого человека, который говорил, что было необходимо, по тем временам. То есть мы только пришли, действительно, с боевой операции, ребята еще с пылу, с жара. Мы двух ребят в медсанчасть с ранениями сдали. И когда всё это дело переживаешь, бурно рассказываешь. Майор же собирает нас отдельно и говорит:

---

¹ Дуكان – небольшая торговая лавка, магазин.

² Междуреченск – город в Кемеровской области.

«Ну, если кто-то еще сейчас скажет, что вы где-то стреляли, я вас сразу сначала на губу¹ отправлю, чтоб языками не трепали, а потом будете иметь дело с особистом²». А мы: «Товарищ майор, а как же говорить надо? А как вот с Саней, как получилось, что у него ноги-то дырявые?». Он говорит: «Ну, вот Саня пошел цветы сажать, помогать афганцам, упал и камешками ноги все пробил. Понятно?» – «Понятно». То есть вплоть до такого. Когда эта установка была, конечно, очень сложно было, а мы молодые все ж. В 18 лет – призыв. Как правило, 20 лет, ну 21 год, хотелось где-то, какой-то расслабленности, в напряженном состоянии тяжело. Поэтому одни брагу ставили, другие анашу курили, третьи чарс³ добывали – это такое наркотическое вещество <...>. И вопросы: воевать Родина доверяет, оружие доверяет, помереть доверяет, а 100 грамм – опасно. Поэтому – нет. Вот с этим официальные не было, разрешено не было. Но товарищи офицеры, конечно, находили себе <...>. Но зачастую <...> и офицеры, и сержанты, и старшины – если ты не задебоширил, если ты нигде не проколотся, никто тебя никогда не сдавал. Панибратства особого не было. Я не помню случаев, когда б мы сидели с офицерами, напивались. Мы себе тайком, они себе тайком. Потом мы уже когда встретились, начинаем выяснять, кто, где, что взял. Товарищи офицеры говорили, что вы – негодяи, вам не положено, срочникам. А мы говорили: «А вы – негодяи, вы нас должны воспитывать, а вы?» Потом поговорили-поговорили, разошлись, все довольны <...>.

Ваше отношение к вооруженному конфликту на разных его этапах? С какими чувствами шли туда, с каким вернулись? Была ли вера в правоту своего дела? Как оценивалось тогда и как сейчас?

У меня отношение абсолютно не изменилось. Во-первых, <...> мы исполняли интернациональный долг. У нас задача была такая, мы это знали. Мы, когда служили, нам всячески об этом говорили, что исполняете интернациональный долг. Когда с этой позиции видишь то, что творили духи, ты это воспринимаешь именно так – ты защищаешь, помогаешь. И если не ты, то... А они, действительно, ведь они нигде не отличаются: ни в Сирии, ни в Чечне <...>. Они, не сомневаясь, режут головы, <...> рвут уши, ноздри, глаза. То есть у «духов», а это Восток, считается над человеком, тем более перед смертью, поиздеваться не зазорно. То есть этот человек должен визжать, верезжать, плакать, молить о пощаде. То есть почему-то это доставляет, наверное, им удовольствие. Среди наших ребят я таких вещей не видел. Я даже могу сказать, когда попадались пленные, и мы их этапировали, переправляли на наш берег, я видел достаточно нормальное, уважительное отношение. Кроме, конечно, тех отмороженных [духов], которые вообще не хотели ничего понимать, тех тогда уже [били] прикладами, помогали им понять, что они попали не в ту среду <...>. Каких-то зверств и пыток не было. Я, по крайней мере, такого не видел и не

---

¹ Губа – разговорно-жаргонное название гауптвахты. Гауптвахта – специальное здание с помещениями для содержания арестованных военнослужащих вооруженных сил своего государства.

² Особист – сотрудник Особого отдела (военная контрразведка КГБ СССР).

³ Чарс – гашиш.

слышал. У нас не было принято. Сейчас со своей высоты лет, я могу сказать: наверное, это воспитание, оно не позволяло этого делать. Даже вплоть до того, что после боестолкновения тот, который в тебя стрелял, мы его же перевязывали и тащили к себе в санбат. Хотя проще было бы сделать контрольный [выстрел].

Испытывали ли Вы чувство страха во время выполнения боевых операций?

Я мальчишкам говорю: «Я не герой, я нормальный, обыкновенный человек. Герой, наверное, тот, кто умеет вот страх свой преодолеть». А если ты готов психологически, физически, технически и тактически, тогда ты просто в реальной обстановке, ты делаешь свою работу. И там некогда бояться или переживать. Переживаешь потом, ноги трясутся потом, сердце колотится <...>. Если внезапно, это очень хорошо, потому что некогда думать, некогда бояться. Когда ожидаешь, тогда ты боишься этого неизвестного, как же поведешь себя, чем это может закончиться. Тебя это гложет <...>. Тогда было всё страшно — змеи, скорпионы, <...> жара, потому что как бы не наш климат. Были страшны отцы-командиры, потому что не знали, чего от многих ждать <...>. Страшно было от того, что я первый раз увидел там мину пластиковую, итальянскую. Я не знал, как с ней обращаться: на сколько шагов можно подойти к ней <...>. Эти мелкие страхи присутствуют, конечно. Я считаю, что страх — он всегда, наверное, у каждого. Может, кто-то герой и бесстрашный. Я — нет. Я всегда переживал, и зачастую у многих людей этот естественный страх помогает выживать в боевой обстановке. Потому что тот человек, который теряет страх, у которого нет внимания, он теряет голову, как правило, долго не живет. Это из какой-то опытности <...>.

Изменилось ли ощущение времени? До участия в Афганской войне, после и вообще задавались ли таким вопросом: сколько еще осталось? Как использовать оставшееся время?

<...> для меня время не тянулось, потому что, мы заняты были интересной, серьезной работой. То есть скучать было некогда <...>. Если всё правильно в этом подразделении ведется, тогда на личное время остается очень мало времени. А если уже долго прожил рядом с людьми, которыми ты хочешь общаться, то время течет очень быстро. Потому что уже доверяешь, разговариваешь, какие-то вещи можешь личные доверить. Я считаю, в армии время прошло достаточно нормально и интенсивно.

А чем была заполнена жизнь солдат во время отдыха? Как развлекались? Может, песни пели?

И песни пели, и мы себе утренники устраивали. <...> У нас на День флота — это последнее воскресенье июля — в дивизионе, на точке — мы всегда устраивали для молодых День Нептуна. Обязательно мы тех ребят, которые экватор не пересекали <...>, в воде купали. Как отцы-командиры ни пытались нам запретить, у них это не получалось. Всё равно мы их ловили по всему дивизиону и «макали» в воду. <...> Приходили многие мичманы, они же считаются офицеры — наши командиры, но

они мичманы после чего? Вот он в учебку попал в мае, <...> отучился 7 месяцев, потом еще полгода отучился на мичмана <...>. Он приходит в подразделение и встречает День флота у нас впервые. <...> В этот день, мы ловим их <...>. Дембель ты, не дембель, вновь прибывший [и бросаем в воду]. Если тебя окунали уже ранее – без вопросов, а если нет – в этот день сколько раз тебя поймали, столько раз тебя будут тянуть на пирс и кидать. И причем часовой будет открывать ворота для несущих «ценный груз». В другие дни он будет в воздух стрелять и кричать, а в этот день он будет открывать ворота молча, перед офицерами закрывать и говорить: «Извините, товарищ капитан, на пирс доступа нет». – «А это что?» – «А это у нас происходит специальное учение». <...> Устраивали [праздники], если удавалось находиться в базе. Мне только один раз удалось на Новый год побывать в дивизионе, остальное время на службе находились. Утренники для себя, в том числе, проводили. Были ребята, которые великолепно играли на гитарах, гармошках. Другие ребята могли стихи декларировать часами. То есть они там таланты свои не скрывали <...>. Если это подразделение нормальное, если это нормальный коллектив, он тебе помогает раскрыться, никто не стеснялся, все просто старались это показать, рассказать, и все тебя люди слышали. Поэтому скучно не было, поверьте <...>. Потому что у нас что ни праздник, то спортивный, что ни отдых, то активный. Как праздники, мы начинали бегать, прыгать, иначе как бы ни «захиреть». Потом втягивались уже, друг друга подкалывали, каждый свое вносили.

Газеты, книги читали?

Конечно, там очень серьезные были [книги] в красном уголке, у нас всегда свежие газеты обязательно, в библиотеке <...>. Как правило, это «Красная звезда», какая-то местная газета <...>. Мы должны были <...> изучать быт, условия жизни местных. Поэтому местная пресса обязательно была у нас всегда. Мы ее обязательно проглядывали, прочитывали. Это [необходимо] для общения с местными. Для нас вроде бы граница, а таджик на этой стороне, на нашей, где СССР, что таджик на той стороне – они всё равно жили одним и тем же миром, жизнью столетиями, тысячелетиями. Поэтому различий особенно не было <...>. Литература, как правило, была классическая: Пушкин, Толстой. Много было литературы, конечно, военной, об Отечественной войне <...>. В каждом подразделении, если это хорошее, нормальное подразделение, всегда было что в красном уголке почитать о тех людях, которые до тебя служили. Как правило, каждый призыв придумывал что-то свое, какие-то дембельские вещи <...>. Значит, в течение срока своей службы мы собирали какие-то фотографии, не все можно было снимать на тот момент <...>. Там не фотографировать особо. И то, если увидели, [что фотографируешь], можно было запросто под трибунал попасть. Ну, запрещено всё-таки многое было. <...> У нас ребята <...> много времени проводили в спортгородке. Потому что физподготовка – она всегда должна была выручать, потому что мы реально представляли обстановку и понимали, что если где-то физически сдашь, то всё это назвать можно – «приплыл». Поэтому литература была, были журнал «Здоровье» и «Физкультура и спорт», <...>, «Красная звезда» <...>.

А фильмы какие-нибудь показывали?

Фильмы привозили каждую субботу. В большей степени, конечно, патриотические. Но некоторые по 4 раза ребята смотрели, по 5, но это те [ребята], которые служили в дивизионе <...>

А концерты устраивали?

За время службы в Термезе я ни разу не присутствовал. Ребята говорят, что приезжали шефы. Но я никогда не попадал почему-то. <...> Как у нас говорили, твоя задача – камыши и камни, служи, а это нам.

Военнослужащие вели личные дневники?

Во-первых, было запрещено. Как только какие-то записи появлялись, эти записи моментально оказывались на столе у особиста. То есть рисковать никто, соответственно, не хотел, никто не решался. <...> Я попробовал как-то, хотелось <...> погеройствовать, по своим письмам, мама их все сохранила. Я думаю, может вспомню, восстановлю, запишу после всего этого. Я читаю письма – то цветы сажаем, то загораем. Ну как тут что-то восстановишь (смеется). Всё у нас хорошо, у нас концерт, шефы приехали, там мы первое место заняли среди катеров, там по боевой подготовке, я молодец там. Вести [дневники] у нас практически было невозможно, потому что спрятаться некуда. Если ты даже ведешь какие-то записи, значит, особисту будет это известно. Потому что в любом случае командир подразделения поинтересуется: давай, посмотрю. Граница – есть система, есть пункты прохода границы, есть условные сигналы. <...> Это было практически невозможно.

О чем чаще всего разговаривали на досуге?

Когда удавалось, практически обо всем, кроме политики. Политику мы не трогали, потому что поговорил о политике, потом тебя особист часа три пытается: «Что вы имели в виду?» Поэтому этих вещей мы не касались никогда. Обо всем [разговаривали], о доме, как правило. <...> У нас слаженное было подразделение. Мы друг другу передавали даже опыт [боевой]. А так [беседовали]: о доме, о матери, о жизни, о девушках, о том, кто какой спортсмен <...>, кто не состоялся – не стал мастером спорта. <...>

А споры какие-то были?

Споры зачастую были именно о том, как этих людей [местных], которые живут в Средних веках, как их можно сделать строителями коммунизма. Вот тут были серьезные споры. До хрипоты. Потому что мы видели реально, что у людей в кишлаках вместо стекол, извините, пузыри бычьих. Хотя в магазинах «Шарпы», на Тойотах ездят, на Ямахах, на мотоциклах. Но по уровню мы понимали, когда общались, что ребята живут в Средние века. Промышленности нет, пролетариата, как у нас был в СССР, движущий революцию. <...> Конечно, были споры о том, кто, как, куда после армии – чем будут заниматься. <...>

Были ли в Афганистане какие-то дорогие, ценные, памятные, значимые для Вас вещи?

У нас, как правило, своих личных вещей никаких не было. Уже в учебном подразделении мы этих всех вещей лишались. Из всех памятных и дорогих — это могли быть фотографии родных, ближних, близкой девушки, но остальное всё уходило. <...> Потому что в учебном подразделении, когда передевали в военную форму, все личные вещи мы складывали в ящички. Нам заготовленные ящички давали, писали адресочек, они отправлялись домой. Поэтому практически ничего не оставляли.

Какое место отводилось гигиеническим процедурам: купание, чистка зубов? Были ли какие-то паразиты? Как с ними боролись?

Паразитов несколько раз привозили мы, как правило, после длительных общений [с местными]. Дело в том, что с той стороны не привезти — это надо было ухитриться. Особенно, когда взаимодействуешь с ними. Что касается гигиены, я могу сказать, <...> нас один товарищ с тундры, оленевод бывший, он говорит, что они моются два раза в год: когда рождаются и когда умирают. Он говорит: «Нам нельзя мыться!» И то он через месяц совместной службы и зубы чистил, и ноги на ночь мыл, потому что, если ограниченное пространство и много человек живет в этом пространстве, то любой резкий запах в общем очень здорово влияет на самочувствие и психику [сослуживцев]. <...> С [гигиеной] проблем не было никаких. Если с кем-то уже не удавалось [договориться], перевоспитывать, у нас при части и в учебном подразделении были специальные хозроты, так называемые. Там у нас подсобное хозяйство [было] — свиньи, гуси, утки. [Тех направляли] туда, они уже с нами не спали, у них отдельные кубрики были. Вот оленевод мыться начал, он с нами спал, а вот остальные [в другом месте]. То есть в этом случае опять же срабатывал механизм взаимосвязи между срочниками и командирами. Командиры объясняли, что невозможно, если человек приходит, снимает обувь и резкий запах, а в кубрике 20 человек. <...> А он не хочет ни носки лишний раз простирнуть, ни личную гигиену соблюсти. Зачем такой нужен человек? Поэтому с этим в общем всё было нормально. Средства гигиены были в «Ветерке» — это такая столовая солдатская, как буфет при каждой части. Когда мы выходили на точку, они [средства личной гигиены] выдавались нам дополнительно — мыло, порошки и т.д. Я считаю, что по снабжению, что по питанию, что по гигиене вопросов у нас не возникало. Вот в нашем подразделении <...> всё было здорово, отлажено.

А паразиты какие были?

Вошь бельевая. Пообщался — тех же перевозишь ребят из-за речки, ее же не уловишь, как она скачет и от кого. Она бельевая, она одна попала, а <...> [нас] человек 10–15 в кубрике. Ты ее и не заметил. Считаю, весь кубрик [заразился]. Поэтому и дембеля налысо выбривались, причем [на] 100 процентов. Некоторые, у которых грудь волосатая, им тяжело было, помогали, конечно, что делать (смеется), а иначе их не вывести было. Потому что одежду можно прогладить, какие-то сушки были

специальные, где они прожаривались, а тело-то – как ты его? Никак. <...> Это не смертельно, я считаю, и ничего, ни у кого не вызывало абсолютно никаких негативных эмоций. Если подразделение пришло – человек 15 пришли с точки, они ходят все одинаково лысенькие, понимаешь, что лучше с ними дня три не общаться, а потом уже можно, потому что за три дня уже поймешь: чистенько – не чистенько. Кроме того, если личную гигиену не соблюдать, [тогда возникают] тиф, холера, <...> дизентерия, <...> гепатиты А, В, С <...>.

Про повседневный быт солдата давайте поговорим. Устройство помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, одежды?

По нормам то, что мы получали, мы зачастую изнашивали <...>. Если тельняшка, она выдана тебе на полгода – срок службы, но она за 2–3 месяца изнашивалась, естественно, из нее уже ничего не остается. Здесь где-то были нюансы, но всё равно выкручивались <...>. Между собой даже молодым дембеля отдавали [форму], когда уходили по запасу. Если была возможность, заказывали нашим «покупателям» из учебки привезти. По размещению – если мы приходили на необорудованное какое-то место на точку, то старослужащие с командирами совместно пытались сделать так, чтобы это было по крайней мере маленьким домом. Где мы больше двух суток стоим, там уже для срочника дом. <...> А то, что в дивизионе там по уставу всё, у нас было жестко, в погранвойсках: кровати заправленные, белье и довольствие – не вызывало никаких нареканий. <...>

А на точках что там: палатки?

Нет, у нас же катера были большие. У нас, как правило, ночевать было где в катерах. А если позволяло место, мы оборудовали, делали [что-то] типа землянок, навесов, блиндажиков. В некоторых местах особо не сделаешь, потому что горы, скалы. Искать пещеру для чего-то, уходить от боевой единицы никто не позволял. Обычно катера – они оборудованы, как правило, на 6 человек экипажа – 6 спальных мест. Если экипаж больше, можно пользоваться своим бельем, но используешь одну кровать. Одни на вахте, другие отдыхают, это можно было.

Катера большие были?

Ну большие-небольшие, 17 метров – большой катер. И малые были. То есть на 17 метрах вполне размещались. Длиной 17 метров – достаточно. Мы, кроме 6 человек экипажа, <...> как правило, брали до 20 человек десанта <...> там, где позволяла река. <...> Где выше [по реке], там вязкие места и там не пройдешь. На больших [катерах] не совались, больше полагались на свои «топалки». <...> Ребята говорят, была такая ситуация, когда на большом катере на Пяндж¹ поднялись, а тут неожиданно холода ударили, снег в горах перестал таять, и уровень реки очень быстро упал. И вот он почти 2 месяца простоял там, на камнях, потому что уровня воды нет, сойти некуда.

---

¹ Пяндж – река в Азии, левая составляющая Амударьи.

Насколько форма была удобной?

Не все удовлетворяло, поэтому при несении службы вне войскового подразделения, мы, по согласованию с командирами, носили удобную форму одежды. Мы ее сами добывали, менялись в том числе с пограничниками. Что-то покупали. Допустим, не всегда в наших флотских полусапожках здорово по песку шлепать. Или по камням. Поэтому приобретали кроссовки, и службу несли в таком виде. К концу службы, уже когда появился какой-то определенный опыт, появились новые маскхалаты, новые камуфлированные костюмы в подразделениях. <...> А так находили, добывали где-то, напрягали отцов-командиров, где-то находили через земляков. У нас те ребята, которые были задействованы шустро – это разведчики. Те, которые больше на засадах были, экипировались нормально. Потому что на них работало всё подразделение. Знали, на что эти ребята идут, провожали каждый раз, не чаяли встречать, а встречали бурно. <...>

А забавные случаи какие-нибудь помните?

Забавных случаев очень много. Я могу рассказать о себе забавный случай. В учебке выдали вместо моего пятьдесят [второго размера одежды] <...> пятьдесят четвертый. И подшиваться нельзя. Обмундирование портить запрещено. А я говорю: «А почему?» Я же с гражданки, пытался правду найти какую-то. А мне старшина говорит: «А если будешь возмущаться или подшиваться, вообще будешь в трусах ходить по подразделению, пока тебе форму не найдем. Ну нет твоего размера в данный момент». Ну, ясно, что, нет, значит, нет. Один парень был, у него 47-й размер ноги, то есть он всю учебку проходил в кедах. И в армию, в часть, поехал в кедах, потому что ему мама выслала три пары. Он говорит: «Мам, ну не в чем...». Она где-то там эти кеда нашла. <...> Такой обуви, оказывается, в армии не шили. <...> Когда приехали мы в подразделение, ему шили по индивидуальному заказу. Его лично командир части возил к сапожнику, снимали мерки, потому что, когда ему даже привезли [его] размер, 47-й, а он, оказывается, ногу засунуть не может, потому что подъем [высокий]. <...> У нас был Витя под два метра ростом, плечи широченные. Они ему тоже не могли найти ничего. Тельняшку он надевает еще кое-как, а остальное ничего не может одеть: ни робу сверху, ничего. И бескозырка самая большая у него как блинчик на голове смотрится, то есть ну смешно-грешно, но приходится признать. Тоже, пока одели, достаточно времени прошло. <...>

В первую очередь, чтобы понять эти вещи, нужно увидеть человека с гражданки, который после бани выходит, одевает форму, которую нельзя подшить, подвернуть – тебе запрещают, и ты первые три дня добросовестно этого не делаешь. Потом плюешь на запрет и начинаешь ее приводить в порядок, потому что невозможно в этом ходить. Оно не удовлетворяет ни эстетическим, ни этическим каким-то вещам. Это, конечно, всегда вызывает смех. И когда мы вроде бы по гражданке все разные были, а тут всех одели одинаково, поставили в строй, <...> однообразие поначалу вызывает непонимание. Потом уже по службе старослужащие всегда, во-первых,

близко к себе по размеру получали экипировку, потому что они служили уже долгое время, во-вторых, они очень успешно иголкой и ниткой пользовались. <...> Я за всё время службы два раза надевал парадку – [когда] с учебного подразделения выпускались, и когда уже на дембель выходили. Потому что ее просто негде было носить. Флотская – она ж красивая форма, парадная. Ту форму, в которой мы приезжали домой, мы шили сами. То есть брюки клеш – они минимум на 40 сантиметров, потому что мы ж флотские, а флотские должны клешами водить. Если это наша фланелевая рубашка верхняя, значит, она должна, естественно, подчеркивать фигуру. Бескозырки своими руками шили. Если ленточка там по уставу 20–25 сантиметров, 30, то у нас по 60. <...> Кто не ленился, кто умел, практически все, каждый практически для себя шил, если хотел выглядеть нормально. <...> Форменная обувь [имеет] каблук небольшой. Ну как, мореман же идёт, и клеша у него 40 сантиметров по полу, надо ж каблук сделать. И каблочки набивали, чтобы домой прийти. Выходили в уставной форме, потому что, никто не выпустил бы [иначе]. До КПП¹ ребята приносили [свою форму], мы ее получали, когда выходили за КПП, и переодевались, и все красиво. <...>.

Чем чаще всего болели солдаты?

Как правило, <...> это было расстройство желудка из-за воды. Простудных заболеваний практически не было. Я даже не помню, чтоб кто-то сильно болел. У нас был случай, что ребята на пянджских были высотках, там ветер холодный, один заболел серьезно – дня три-четыре отлеживался.

А гепатит?

Гепатиты, инфекционки – конечно, эти самые страшные. Но они сразу выявлялись и сразу в госпиталь. <...>

Были ли случаи психических заболеваний?

У ребят я не видел. На гражданке, здесь, видел много «афганцев», это уже после [службы]. <...> После напряженной работы боевой могли часа два сидеть, просто смеяться друг с друга. <...> Выходила напряжёнка. Чтобы кто-то совсем уж был неадекватен? Во-первых, коллективы сразу избавлялись от людей, которые не подходили, коллективы маленькие получались. И, как правило, сразу пытались избавиться от тех, кто чем-то подозрительный. И потом оставшиеся <...> друг о друге заботились, помогали друг другу, говорили что-то ободряющее. Вплоть до того, [что, если плохие известия пришли] письмом из дома, ты видишь по настроению. И всё, этот человек – он неделю – десять дней был под надзором, то есть оставить его одного не было принято, старались его больше развеселить, что-то придумать, [чтобы поддержать]. <...> Сидит в дивизионе, мы смотрим вечерние новости, понимаем, что получил человек письмо, его уже «ступорит» или «колбасит». Он говорит: «Да вот, девчонка бросила». Его заводят [в комнату]: «Так, ну-ка, рога носцы, встать!»

---

¹ КПП – контрольно-пропускной пункт.

Раз — все вскакивают. «Вот видишь, сколько, иди и ты с ними будешь». Всё, и у него уже какой-то стресс снят. <...> Я тоже в такой же шкуре оказался. Точно так же я с девушкой дружил, она меня в армию провожала. Так же письмо написали. опять же не она, подруга написала, что она выходит замуж. <...>

Много было послешоковых состояний у ребят после первых обстрелов, когда попадали. Опять же выводили по-своему. Кому-то, откровенно говоря, разводили 100–150 грамм спиртику. Давалось, как правило. У нас всегда на это дело был спирт. Особенно, когда знаешь, что есть молодые. В кружку в алюминиевую разведешь водичкой, заставляешь его выпить, он минут через 15 уже нормальный. А те, которые даже после первых вещей проявляли себя [ненормально], от них избавлялись, как правило, сразу. То есть просили командира: «Давай, переводи хлопчика в другое подразделение». Потому что никто не знает, как себя поведет в сложной ситуации. <...>

Был еще один такой казус, если что-то с родителями случалось. Тогда срабатывали структуры командиров. Это моментально — отпуск, выезд, сопроводилка, потому что [бросила] девушка — понятно, это можно пережить, но с родителями [серьезнее]. <...> У нас двое таких ребят было. Один — отец у него попал в автотрагедию, его сразу отправили, а у отца всего лишь ключица и нога были сломаны. <...> А у второго мама [заболела], там действительно что-то серьезное, тоже моментально отправили [домой]. <...> Все-таки настолько было это всё отработано, не давали довести до каких-то нервных срывов. Нервные срывы были у офицеров, потому что нас-то много. <...> Я откровенно скажу, в офицерском общегитии, там по два, по три дня могли не вылезать и водку пить от стресса. Если офицер жил нормально со своими ребятами, тогда и офицерам не давали сорваться, никто его не бросал на самоедство, через форточку его вытягивали, показывали, что он не один, придумывали всякое. Когда человек свою семью любит, он хочет для нее что-то сделать, он будет стараться сделать, по возможности, что он может и чуть-чуть больше. И там точно так же было. И все понимали, что это не просто так я клоуна из себя изображаю или что-то еще импровизирую. В первую очередь, это для того, кому клоунада предназначалась. Вот это понимание, поддержка — она очень здорово помогала.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Безбородых Игорь Николаевич, 1965 г.р., служил в 1984–1987 гг. в морчасти погранвойск в Афганистане. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Место проведения: г. Гуково Ростовской области. Продолжительность: 292 минуты. Запись: 2 июня 2017 г. Хранится в ЮНЦ РАН.

Челпанова Д.Д. Афганская война (1979–1989) в общероссийских и региональных оценках // *Русская старина*. 2017. № 2. С. 186–195.

REFERENCES

Bezborodyh Igor' Nikolaevich, 1965 g.r., sluzhil v 1984–1987 gg. v morchasti pogranvojsk v Afganistane. Interv'juer: D.D. Chelpanova. Mesto provedenija: g. Gukovo Rostovskoj oblasti. Prodolzhitel'nost': 292 minuty. Zapis': 2 ijunja 2017 g. [Bezborodykh Igor N., born in 1965, served in 1984–1987. in naval unit of border troops in Afghanistan. Interviewer: D.D. Chelpanova. Place: Gukovo, Rostov Region. Duration: 292 minutes. Record: June 2, 2017]. Stored at the SSC RAS (in Russian).

Chelpanova D.D. Afganskaya vojna (1979–1989) v obshcherossijskih i regional'nyh ocenkah [The Afghan War (1979–1989) in Russian and Regional Assessments], in *Russkaya starina*. 2017. Is. 2. Pp. 186–195 (in Russian).